

Текст сверен с изданием: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. М.: Худ. литература, 1970. Том 1 Стр. 232 - 240.

В вагон вошел кондуктор, зажег в фонарях свечи и задернул их полотняными занавесками. Сетки с наваленными на них чемоданами, узлами и шляпами, фигуры пассажиров, которые или спали, или равномерно и безучастно вздрагивали, сидя на своих местах, печь, стенки диванов, складки висящих одежд -- все это потонуло в длинных тяжелых тенях и как-то странно и громоздко перепуталось.

Шахов нагнулся вперед, чтобы увидеть лицо своей соседки, и тихо спросил:

-- Что? Очень устали, Любовь Ивановна?

Она поняла его желание. Повинуясь бессознательному и тонкому инстинкту кокетства, она отделила тело от спинки дивана и улыбнулась.

-- Нет, нет, мне хорошо.

Лежащая против разговаривающих и покрытая серым шотландским пледом фигура грузно перевернулась с боку на спину.

-- Не понимаю, Люба, что здесь хорошего? -- пробурчал из-под пледа осипший от дороги мужской голос.

Ни Любовь Ивановна, ни Шахов не отвечали, но нежная улыбка, беспричинная и волнующая улыбка первых намеков сближения, мгновенно сбежала с их лиц.

Шахов ехал из Петербурга в Константинополь и затем в Египет. Эта поездка была его давнишней, заветной мечтой, но до сих пор ее исполнению мешали то недостаток времени, то недостаток средств. Теперь, продав небольшое имение, он собрался в дорогу, счастливый и беспечный, с одним легким чемоданом в руках.

И вот уже двое суток, начиная от самого Петербурга, странная прихоть судьбы сделала его неразлучным спутником и собеседником очаровательной женщины, которая с каждым часом нравилась ему все больше и больше. Что-то непонятное, привлекательное и совсем не похожее на прозу обыденной жизни казалось Шахову в этом быстром и доверчивом знакомстве. Ему нравилось подолгу глядеть на ее тоненькую, изящную фигурку, на ее разбившиеся пепельные волосы, на нежные глаза, окруженные тенью усталости. Ему нравилось сквозь ритмический грохот вагонов слушать ее мягкий голос, когда им обоим благодаря шуму приходилось близко наклоняться друг к другу.

Когда наступали сумерки, непонятное и привлекательное становилось совсем сказочным... Милое лицо начинало то уходить вдаль, то приближаться; каждую минуту оно принимало все новые и новые, но знакомые и прекрасные черты... И под размеренные звуки летящего поезда Шахову все напевались звучные стихи: "Свет ночной, ночные тени... тени без конца... ряд волшебных изменений милого лица".

Иногда он нарочно ронял платок или спичечницу на пол, чтобы украдкой заглянуть ближе в ее лицо, и каждый раз глаза его встречали ее ласково остановившуюся на нем улыбку...

Потом наступала ночь... Не было слышно ничего, кроме грохотания поезда и дыхания спящих. Он уступал ей тогда свое место, но она отказывалась. И они садились рядом друг с другом, совсем близко, и разговаривали до тех пор, пока у нее не падал от усталости голос. Тогда он с дружески шутливой настойчивостью уговаривал ее лечь. О чем они разговаривали -- пожалуй, оба на другой день не дали бы себе отчета. Так разговаривают два близких друга после долгой разлуки или брат с сестрою... Один только скажет два слова, чтобы выразить длинную и сложную мысль, а другой уже понял. И первый даже и не трудится продолжать и разжевывать дальше -- он уже по одной улыбке видит, что его поняли, -- а впереди есть еще столько важного и интересного, что, кажется, и времени не хватит все передать. Оживленный и радостный разговор скользит, извивается, капризно перебрасывается с предмета на предмет и все-таки не утомляет собеседников.

Шахову приходилось не раз в жизни сталкиваться с женщинами умными и красивыми, красивыми и глупыми, умными и некрасивыми и, наконец, с женщинами и глупыми и некрасивыми. Но никогда еще он не встречал женщины, которая так бы с полуслова понимала его и так бы живо и умно интересовалась всем тем, чем и он интересовался, как Любовь Ивановна, которую он знал всего вторые сутки. Только все, что у него было заносчиво, резко и горячо, -- у нее облекалось в какую-то неуловимо милую и нежную доверчивость, соединенную с изящной простотой. И лицом ее, немного бледным и утомленным, он не уставал любоваться во все время дороги.

Шахов с непривычки не умел спать в вагоне. Несколько раз ночью проходил он мимо того дивана, на котором спала Любовь Ивановна. И каждый раз -- впрочем, может быть, он и ошибался -- ему казалось,